

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25.5.9.8.

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА ВРЕМЯ НА МАТЕРИАЛЕ «СКАЗКИ О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ» Е. ШВАРЦА В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ИНГУШСКИЙ ЯЗЫКИ

Залина Бекхановна Плиева

Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: zalina.bekkanovna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальному на сегодняшний день исследованию концепта «время» в языках и культурах неродственных друг другу: русский, английский и ингушский. Смена перспективы исследовательских подходов: с изучения структур языка, на анализ системы ментальных, когнитивных представлений/процессов человеческой деятельности — всё это обусловило потребность исследования в данном научном направлении, а также актуализировало тему, цель и задачи в этой статье.

Объектом исследования являются лексемы темпоральной семантики.

Предметом исследования избрана экспонация категории «время» в художественном тексте произведения Е. Шварца: «Сказка о потерянном времени».

Целью исследования является интерпретация речемыслительной категории «время» в переводном тексте: с ИЯ (исходного языка) — русского, на ПЯ (переводящие языки) — английский и ингушский. *Основная задача* исследования темпоральных единиц состоит в выявлении и обосновании выбора конкретного перевода, наиболее точно передающего грамматическую категорию «время», с языка оригинала на языке перевода в художественном тексте, путём когнитивного подхода.

Методами исследования являются: когнитивный подход, наряду с дескриптивным, семантическим, лингвопереводческим, сравнительно-сопоставительными методами.

Конечные *результаты*, полученные путём исследования концепта «время» в художественном тексте трех языков различной типологической

принадлежности (русский, английский и ингушский), указывают на тот факт, что понимание времени носителем того или иного языка неодинаковое и неординарное, в связи с национально-культурными отличиями/признаками. Прослеживается аналогия с выявлением и обозначением времени в ингушском и английском языках, а именно: а) физическое время: 'ха' — в ингушском языке и 'time' — в английском языке; б) грамматическое время: 'метта ха' — в ингушском языке и 'tense' — в английском языке. При этом, путём проведения статистического анализа и предварительного подсчёта всех проведённых переводческих операций, было установлено следующее: 1) перевод с русского на английский отличается своей денотативностью: семантический уровень, где в большей степени фигурирует предметное значение концепта: *время*; 2) перевод с русского на ингушский отличается своим семантическим (сигнификативным) уровнем, где понятие на ИЯ соотносится с обозначаемым понятием на ПЯ.

Ключевые слова: темпоральная семантика, номинативный и эргативный, постулированные и приобретённые свойства, лингвопрагматическая установка, акт речедеяния, когнитивный подход, семантический уровень, сигнификативный уровень

Для цитирования: Плиева З.Б. Когнитивный аспект представления концепта *время* на материале «Сказки о потерянном времени» Е. Шварца в переводе на английский и ингушский языки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025, № 1. С. 92–113. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

Статья поступила в редакцию 28.12.2024;
одобрена после рецензирования 09.04.2025;
принята к публикации 15.04.2025.

THE COGNITIVE ASPECT OF PRESENTING THE TIME CONCEPT IN “THE TALE OF WASTED TIME” BY E. SCHWARTZ AS TRANSLATED INTO ENGLISH AND INGUSH

Zalina B. Plieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: zalina.bekkhannovna@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the currently relevant study of the concept of time in languages and cultures of unrelated to each other: Russian, English and Ingush. The change in the perspective of research approaches: from the

study of language structures to the analysis of the system of mental and cognitive processes of human activity. This has led to the need for research in this scientific area and updated the theme, purpose and objectives of this article.

The interpretation *object* is the lexemes of temporal semantics.

The *subject* of the study is the exposition of the “time” category in the artistic text of “The tale of wasted time” by E. Schwartz.

The *purpose* of the study is to interpret the speech-thought category of time in the translated text: from the source language (SL): Russian, into the target languages (TL): English and Ingush.

The *main task* of studying temporal units is to identify and justify the choice of a specific translation type that most accurately conveys the grammatical category of *time*, from the original language to the target language in a fiction text, using a cognitive approach.

The *main research methods* are: the cognitive approach, along with the descriptive, semantic, linguotranslation and comparative-contrastive methods.

The *final results* obtained by studying the concept of *time* in the fiction of three unrelated languages (Russian, English and Ingush), indicate the fact that the understanding of time by a native speaker of a particular language is not the same and is extraordinary, due to national and cultural differences/characteristics. However, there is an analogy with how the identification and designation of time in the Ingush and English languages is traced, namely: a) physical time: *xa* in the Ingush language and *time* in English; b) grammatical time: *memma xa* in the Ingush language and *tense* in English. At the same time, by conducting a statistical analysis and preliminary calculation of all the translation operations performed, the following was established: 1) translation from Russian into English is distinguished by its denotation: the semantic level, where the subject meaning of the concept: time appears to a greater extent; 2) translation from Russian to Ingush is distinguished by its semantic (significative) level, where the concept in the SL (source language) is related to the designated concept in the TL (target language).

Keywords: temporal semantics, nominative and ergative, postulated and acquired properties, linguopragmatic attitude, act of speech, cognitive approach, semantic level, significative level

For citation: *Plieva Z.B.* (2025) The cognitive aspect of presenting the time concept in “The tale of wasted time” by E. Schwartz as translated into English and Ingush. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 1. P. 92–113. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-1-92-113

The article was received on December 28, 2024;
Approved after reviewing received on April 09, 2025;
Accepted for publication on April 13, 2025.

Введение (Introduction)

В современной лингвистике на сегодняшний день стало очень актуальным: смена перспективы исследовательских подходов — с изучения структур языка как таковых, — на анализ системы ментальных, когнитивных представлений и процессов человеческой деятельности, находящихся своё отражение в языке. Общепринятым и актуальным для многих лингвистов и переводоведов на сегодняшний день — стало проводить исследования в русле когнитивного подхода к переводу. Ранее учёные были ориентированы на описание и изучение различных лингвистических единиц и категорий. Однако в процессе перехода на антропоцентрическую научную парадигму, «эти лексические языковые единицы и категории на сегодняшний день исследуются в неразрывной связи с человеком, его мыслительными/когнитивными, психическими процессами, а именно с речемышлением» (Подкопаева, 2021: 2).

Актуальность (relevance) темы исследования состоит в изучении соотношения и взаимодействия трёх уровней: объективная реальность, мыслительные образы и их языковое воплощение в сравнительно-сопоставительном аспекте. Всё это презентует собой новые на сегодняшний день научные направления: когнитивистику и компаративистику. *Объектом* интерпретации являются языковые единицы темпоральной семантики. *Предметом* исследования избрана экспонация концепта «время» в художественном тексте, литературного произведения. *Цель статьи* — интерпретация речемышлительной категории *время* в переводном тексте — с ИЯ (исходного языка) — русского, на ПЯ (переводящие языки): английский (ПАЯ) и ингушский (ПИЯ). *Основная задача* исследования темпоральных единиц состоит в выявлении и обосновании выбора конкретного перевода, наиболее точно передающего грамматическую категорию *время* с языка оригинала на языке перевода (в художественном тексте) путём когнитивного подхода. Определение, насколько идентично представление и понимание концепта *время* у носителей номинативного (английский) и эргативного (ингушский) языков.

Материалы и методы (Materials and methods)

Исследование проводится на основе сравнительно-сопоставительного метода, наряду с дескриптивным, семантическим, лингвокогнитивным, лингвопереводческим.

Научно-исследовательская категория, прямо или косвенно затрагивающая проблемы когнитивного и переводческого анализа текста, получила достойное освещение в работах: Э. Сепира (Sapir, 1958), Э. Холл (Hall, 1983), В. фон Гумбольдта (Гумбольдт, 1985), Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1978), А. Вежбицкой (Wierzbicka, 1992), Е.С. Кубряковой (Кубрякова, 1996), Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2007), И.А. Стернина и З.Д. Поповой (Стернин, Попова, 2007), Л.У. Тариевой (Тариева, 2009, 2012, 2017) и др.

Материалом для анализа послужило художественное/литературное произведение Е. Шварца «Сказка о потерянном времени» (Шварц, 1940).

Обсуждение (Discussions)

«Перевод является результатом соотношения когнитивных, речесивных психических и пр. процессов, происходящих и протекающих в мозге у человека, согласно его масштабам и жизненной активности / работоспособности. Перевод также служит для выявления локализации говорящего и специфических особенностей его языка и культуры. В свою очередь время, являясь главной грамматической категорией, которую при переводе следует учитывать в первую очередь, отражается не только в языке и в его строе, но и в культуре его носителя, в частности. То есть для человека, независимо от его этнической принадлежности, внутреннее ощущение времени как такового и его собственное отношение к нему гораздо важнее и существеннее понимания объективного физического времени.

В связи с этим особый резонанс в языкознании вызвала в своё время известная единая теория «языка и человека», получившая название «The Sapir-Whorf Hypothesis» 'гипотеза Сепира — Уорфа', гласившая следующее: *“... it is our culture that determines our native language, which in turn determines the way that we categorize our thoughts about the world, our experiences, especially clearly traced in time”*¹ (Sapir,

¹ «Наша культура отражает наш родной язык, который в свою очередь помогает нам классифицировать наши мысли и переживания о мире, особенно отчетливо прослеживаемые во времени» (<https://agglanguage.wordpress.com/the-sapir-whorf-hypothesis/>).

1958: 612). При этом стоит отметить, что язык, как и время, — субъективен, однако деформации (изменения) в грамматике языка обнаруживаются и различаются лишь «в ходе времени». В то время когда язык живёт/существует и развивается «вне времени», т.е. независимо от него (времени) и его носителей. Отталкиваясь от идей В. фон Гумбольдта, согласно которым «рассматривать язык необходимо не как средство общения, а как цель в самом себе, как орудие мыслей и чувств народа. Такое исследование языка уподобляет его любому другому природному объекту. Оно должно объять все различия, поскольку каждое из них принадлежит к понятийному целому» (Гумбольдт, 1985: 377).

Отличительной чертой эргативных кавказских языков от всех остальных является именно то, что в грамматике этих языков главенствующим выступает «человек» со всеми выражениями его лица: *Со* (рус. 'Я', англ. 'I'); *Се* (рус. 'сам', англ. 'myself'), *Сона* (рус. 'мне', англ. 'to me'); *Аз* (рус. 'я сам', англ. 'I+myself'); *Айса* (рус. 'Я сам, самолично', англ. 'I am + myself'). Отметим также, что *Се* в ингушском речемышлении — рефлексивная форма к *со*; однако, *аз айса*.

В приведённых выше примерах в эргативном языке — ингушском, в отличие от номинативных языков — английского, русского — идёт осознание *себя самого, как человека, в пространстве и во времени* 'со в/й укхаз а хІанз' (Тариева, 2017: 11, 39, 68, 341). Здесь важным и значимым является антропоцентрический аспект, а именно: «человек — 'со'» — средоточие Вселенной; её центр», характеризующийся также дифференциацией родовых категорий (т.е. «классов / гендерных различий»), на письме и в речи. Проявление гендерных различий в языке заключается в одном излишнем таксоне ('в' — муж./male; 'й' — жен./female; 'б, д' — ср. (второстепенный) / neuter gender).

Особого внимания, здесь также заслуживает концепция Л.У. Тариевой «постулированности и приобретённости» (Тариева, 2017: 89, 150, 343), где основными критериями функционирования лексем *постулированной семантики*, в нашем случае *темпоральных*, являются:

- 1) первоочередное фиксирование когнитивной деятельностью / способностью человека прототипического свойства (говoreния) как постулированного;
- 2) пресуппозитивная транспозиция/категоризация, т.е. обнаружение субъектом модуса (лицом Созерцающим), функции лица говорящего укхаз *хІанз* 'здесь и сейчас';

- 3) удостоверение вначале субъектом алетической модальности, затем субъектом с эпистемическим *хов* 'знаю' статусом высказывания.

Например, действие происходящее в наст. вр., в 1 л., ед. ч.: *я иду* (инг. *со (в,й)ода/(в,й)оагIа*, англ. *go*) — характеризует постулированные свойства лексемы, однако, *я ПРИиёл* (инг. *со хьа(венув,енай)/хьакхьча(в,й)*, англ. *came* — уже в прошедшем времени) — характеризует приобретённые свойства лексемы, поскольку процесс обработки первичных свойств лексемы уже завершился. Отсюда следует, что закрепление за лицом Говорящим статуса носителя постулированных свойств — первоочередное и связано с механизмом запуска речедеяния, как основного свойства лица, приобретённого в лингвопрагматической установке, противоположной *указа* *хIанз* 'здесь и сейчас' — на *указа* *хIанз доацаиш* 'не здесь и не сейчас' (Тариева, 2017: 89–90). Данная система формирования ЛЕ языка — едина для всех людей/народов, говорящих на разных языках.

Эта концепция носит подтверждающий характер и в гипотезе о различиях в речевой деятельности (*langage*) двух явлений: язык (*langue*) и речь (*parole*), выдвинутой Ф. де Соссюром. Согласно ей акт речи представляет собой индивидуальный акт речевой коммуникации двух лиц: говорение — понимание/слушание (Комиссаров, 2009: 11). Однако, не столько важен ряд особенностей, свойственных лишь данным конкретным индивидам, или проявляющихся лишь в данных конкретных речевых актах, сколько «многообразное [содержание] явления / совершаемого акта, вследствие которого мы всегда всё схватываем последовательно во времени. Стало быть, это схватывание всегда подвержено смене» (Кант, 2020: 142).

На наш взгляд, фигурирующими в когнитивной деятельности человека априори являются:

- 1) информация о мире и объектах окружающей действительности, которой на начальном этапе (на генетическом уровне) «оснащается» человек;
- 2) ментальные образы, поэтапно выстраивающиеся и слагающиеся в виде картинок в мозгу человека о том или ином объекте, предмете и т.д.;
- 3) формирование из этих картинок и образов, в последующем ЛЕ конкретного языка, на котором индивид-носитель хочет воспроизвести акт речедеяния. В итоге всё вышеперечисленное в когнитивной лингвистике выступает в роли грамот-

но отобранных и порядочно распределённых уникальных структурах знаний — «концептах»² и фреймах³.

В ингушском речемышлении, время *ха*: — производное от *сел-хан* ‘вчера’ и *тахан* ‘сегодня’ — выступает как объективное/физическое; где два начальных сегмента: *сел* — ‘время предшествующего дня’ и *та* — ‘синхронный, сиюминутный, сопутствующий, примеряющийся’ (Тариева, 2012: 124, 127, 145). Аналогичная ситуация наблюдается также в английском и в русском языках. Например, такие слова как: *today* и *полдень*, где *to* — выступает как частица и/или предлог (‘ко дню’), а *пол* — приставка (‘пол дня’). Следует также отметить, что лексемы *day* и *день* обладают полисемией, проявляющейся в следующих значениях: 1) день/сутки (время равное 24 часам); 2) дневное время, обычно длящееся с 12 до 17 часов (пока не стемнело).

«Английское время», по словам Э.Т. Холла, это главная система, на которой базируется культурная, социальная и личная жизнь человека. Она, в свою очередь, также подразделяется на две категории/области: *монохронную* (monochronic) и *полихронную* (polychronic), обладая при этом широким потенциалом содержания⁴ (Hall, 1983: 3, 24, 52).

В дополнение ко всему вышеизложенному, отметим также, что прослеживается аналогия с выявлением и обозначением времени в ингушском и английском языках, где: а) физическое время: ‘*ха*’ — в ингушском языке и ‘*time*’ — в английском языке; б) грамматическое время: ‘*метта ха*’ — в ингушском языке и ‘*tense*’ — в английском языке.

В русском речемышлении, «время», хоть и является многозначным словом, однако, носит более субъективный характер и выступает в роли грамматической метафоры (Бронникова, 2017: 22).

При анализе художественного текста в концепте: *ВРЕМЯ* (инг. ‘*ха/метта ха*’; рус. ‘*время*’; англ. ‘*time/tense*’), принято выделять как ядро, так и периферию. Ядром выступают его главные системо-

² **Концепт** — это «когнитивная категория, соответствующая знанию о предмете и характерная для конкретного индивида, строящего конкретное высказывание в конкретном речевом акте, т.е. ту, которая и формирует субъективный смысл высказывания» (Гарбовский, 2007: 273).

³ **Фрейм** — это «общее родовое обозначение набора понятий типа: схема, сценарий, когнитивная модель, «наивная», или «народная», теория (folk theory); система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом» (Кубрякова и др., 1996: 188).

⁴ “Time is a core system of cultural, social, and personal life” (Hall, 1983: 3).

образующие аспекты: *физический (объективный) и лингвистический (языковой)*, которые, в свою очередь, являются универсальными в мировидении человека, принадлежащего к той или иной культуре и говорящего на том или ином языке. На периферии же обнаруживаются дополнительные релевантные признаки/аспекты, дополняющие и раскрывающие его содержание: *социологический, культурологический, метафорический, философский, естественно-научный (фактический)* и др. (Красавский, 2001: 18–20).

Результаты (Results)

В соответствии с поставленными целью и задачами в работе, для перевода и анализа, нами было избрано произведение Е. Шварца: «Сказка о потерянном времени» (Шварц, 1940). Оно, на наш взгляд, наиболее полно способно передать значимость времени и «временную картину» в жизни каждого человека, независимо от его этнической принадлежности. Так как здесь, в большей степени, интерес представляет выявление лингвокогнитивных особенностей при переводе у носителей различных языков. Вследствие этого, рассмотрим функционально-когнитивный анализ вышеупомянутого произведения, в реферативном переводе (частичном): на английский и ингушский языки, основываясь большей частью на передаче внутрилингвистических (смысловых) значений, между единицами ИЯ и ПЯ, сквозь призму переводческой эквивалентности, следуя концепции Н.К. Гарбовского (Гарбовский, 2007: 392–393).

Ключевой концепт сказки — «*время* (анг. ‘time’, инг. ‘ха’)». Предметами и/или субъектами, характеризующими/представляющими *время* (как с физической, объективной, так и с философской точек зрения) являются настенные часы и счёты (анг. ‘wall clock/walkers’, ‘abacus/account’ (Мюллер, 2012: 126, 12); инг. ‘пенах хьальхьохаиш дола сахъат’, ‘чоташ’ (Тариева, 2009: 578, 825).

Ключевая **фраза** сказки, равно как и название самого произведения, гласит: «*человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет*» — является главенствующей. Вокруг этой фразы разворачивается действие (завязка и кульминация произведения), а именно — «*потеря времени*» (анг. ‘lost/waste of time’, инг. ‘ха йоайир’).

ПРИМЕР № 1: «— Успею! — говорил он в конце первой четверти. — Во второй вас всех догоню. А приходила вторая — он надеялся на третью. Так он опаздывал да отставал, отставал да опаздывал и не тужил. Всё “успею” да “успею”» (Шварц, 1940: 4).

Перевод на английский язык (АЯ):

I'll have time! he said at the end of the first quarter. I'll catch up with you all in the second. But the second came — he hoped for a third. So he was late and lagged, lagged and late but did not bother. Always "I have time" and "I have time".

Данный пример знаменателен тем, что здесь отражена как прямая, так и авторская речь.

Примечательно то, что пунктуационные знаки в английском языке, при оформлении прямой речи и слов автора — отсутствуют. Для разделения/разграничения прямой речи от слов автора в АЯ используются: запятая, знаки восклицания и вопроса. **Порядок слов** в предложении также **нарушен**, потому как русский, являясь синтетическим, руководствуется падежными окончаниями, а в английском — аналитическом, он (порядок слов) осуществляется с помощью предлогов, союзов и артиклей: 1) Во второй вас всех догоню (анг. *I'll catch up with you all in the second*); 2) А приходила вторая (анг. *But the second came*).

Общеизвестно, что в АЯ наличествует около 12 основных грамматических (глагольных) времен, в отличие от русского языка, в котором преобладают три времени: настоящее, прошедшее и будущее. Поэтому главенствующей проблемой в теории перевода всегда выступала и выступает проблема переводимости и выражения двух категорий: *время* и *пространство* с ИЯ на ПЯ (языке перевода). В представленном примере (ИЯ: русский — синтетический; ПЯ: английский — аналитический) для выражения действия, которое должно завершиться к некоторому (неопределённому) моменту времени в будущем, или для выражения действий, которые произойдут в будущем, мы прибегаем к конструкции: I + shall/will have + V3 (Future Perfect)/I + shall/will + V1 (Future simple). В представленной выше конструкции: I — подлежащее-местоимение; shall/will (have) — вспомогательный глагол в будущем времени; V3/V1 — глагол в форме Participle II (причастие второе) / глагол в нач. ф. В нашем случае выступают: 1) существительное *time* 'время', выраженное частью речи — глагол; 2) фразовый глагол: *catch up* 'догоню/достану'. Отсюда следует, что в непереходной функции глагол «успею», и в переходной функции глагол «догоню» передаются **более широким значением** на ПЯ (английский язык): 1) *I'll have time!* (досл.: 'У меня ещё будет время / Я ещё буду располагать временем'); 2) *I'll catch up* (досл.: 'Я догоню'). Операцию с данным глаголом также можно представить в виде эквиваленции, в связи

отнесенности его к устойчивым фразовым глаголам в АЯ. Однако, в контексте данного примера, фигурирующей, всё же, на наш взгляд, является такая ПТ, как **генерализация**. Ко всему прочему, мы также производим **генерализацию** понятия, а точнее говоря, наречия «*Всё*», на синонимичное ему наречие с вариативной номинацией «*Always*» ‘всегда’. Следует отметить, что данного рода операция, ещё может выступать и как **переводческая дифференциация**, так как в основе ЛЕ исходного языка (языка оригинала) и ПЯ (языка перевода) лежит одна общая *архисема* — наречия «пространства (всё) и времени (всегда)» (Гарбовский, 2007: 444). **Таким образом, перевод (с РЯ на АЯ) и анализ вышепредставленного контекста позволил выявить следующие ПТ и ПП:** Перемещение (2 операции), генерализация (3 операции).

Перевод на ингушский язык (ИЯ):

— *Кхоавергвар со-м!* — *оалар цо хьалхара “четверть” чакхйо-алача хана.* — *ШоллагIча четверте dIatIexъакхувргва со шоана.* *XIaъта шоллагIгъяр хъатIаеча — цо сатувсар кхоалагIчунга.* *Ишт-та вусаи-вусаи tIexъавусар из, вIалла гIайгIа еш а вацар.* «*Кхоавергва со*» «*кхоавергва со*», *яхаиш.*

В ингушском языке (в отличие от английского) пунктуационные знаки и эмоционально-экспрессивная окраска слов в предложениях — не утрачены. То есть читатель будет воспринимать ингушский текст с тождественной для языка оригинала эмоциональной выраженностью. Выражение: «*Кхоавергвар со-м*» в данном примере переводится как ‘успею я, как-нибудь/быть может (в будущем)’ и выражает условное время (один из видов будущего времени в ИЯ); где *кхоаверг* — успею, а суффикс *вар* — выражает вероятность совершения действия и исполнения его в будущем, с характерным классным показателем муж. рода (male) при помощи таксона — *в* — (*вар*). Аналогию глагола: «*кхоавергвар*», мы можем также провести с модальными глаголами *shall/will* (Future Perfect/Simple и др.)⁵ (Nichols, 2011: 250–253). Отметим, что “-м”, (добавление к местоимению «со» ‘я’) — выступает как усилительная частица в ИЯ и обозначает: ‘то, как-нибудь, быть может (вероятность осуществления//воспроизведения какого-либо события, действия)’⁶.

⁵ Evidence for the /r/ of the future suffix -arg is the fact that in verb forms like /xugvy/ ‘will be. V’, etc., where the /g/ is preceded by /u/, that /u/ is fairly tense, i.e. it has the quality (though not the length) of /uu/ [u:] and not that of /u/ [U].

⁶ Чаще всего употребляется именно с местоимениями в ИЯ (*сона* ~ *моттац иштта* ‘Я-то так не думаю’) (Тариева, 2009: 479).

Тем самым, это языковое выражение/конструкция в ингушском языке, аналогично английскому, приобретает **более широкое значение** в ПЯ.

Устойчивый оборот в виде: «*Иштта вусаиш-вусаиш тІехъавусар из* (досл.: 'Так отставал-отставал отстал он')» на языке ПЯ (ингушском) является, на наш взгляд, **эквиваленцией**. А следующее за ним: «*вІалла гІайгІа еи а вацар* (досл.: 'вообще горесть/печаль не испытывал')» выступает в качестве **модуляции**. По словам Н.К. Гарбовского, «эквиваленция отличается от модуляции тем, что первое — это использование в переводе готовых форм (поговорок, фразеологических оборотов и т.д.), а второе — это поиск индивидуальных переводческих решений, подчинённый определённым закономерностям логико-семантических отношений между понятиями (Гарбовский, 2007: 383)». При этом, в приведённом выше контексте, выделяется и такое **единичное понятие**, как: «*хьалхара четверть* 'первая четверть'», которое можно перевести только при помощи **калькирования** с ИЯ на ПЯ. Последней переводческой трансформацией, выявленной нами в представленном отрывке, является **добавление**, в виде местоимения со 'я' (уточнение совершённого действия 1 лицом, номинативной формой имени): 1) *ШоллагІча четверте дІатІехъакхувргва со шоана* (досл.: 'Ко второй четверти догоню я Вас'); 2) «*Кхоавергва со*» «*кхоавергва со*», *яхаиш* (досл.: 'Успею я' «успею я», говоря').

В итоге выявленными, в переводе (с РЯ на ИЯ) и в ходе анализа, переводческими трансформациями (ПТ) и приёмами (ПП) выступают следующие: генерализация (1 операция), эквиваленция (1 операция), модуляция (1 операция), калькирование (1 операция), добавление (2 операции).

ПРИМЕР № 2: «Вот ведь как, оказывается, устроено на свете: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет» (Шварц, 1940: 5).

Перевод на АЯ: *This is how it turns out to be arranged in the world: a person who wastes time in vain doesn't notice himself as aging.*

Данный пример заключает в себе ключевую фразу всего произведения, что послужило главной причиной для перевода и анализа данного выражения с ИРЯ на ПАЯ и ПИЯ.

Общепринятым «разговорным вариантом» у англичан является распространённое устойчивое выражение, или др. сл. устойчивый фразовый глагол: *it turns out* (досл.: 'получается/оказывается'). Эта языковая конструкция переводчиком может быть воспринята как

попытка **эквиваленции**, однако если за единицу перевода брать весь контекст / всё предложение, то она примет значение более широкое и будет выступать в роли **генерализации**. **Генерализацией** по праву можно считать и перевод такого выражения, как: *aging* (досл.: ‘взрослеть’), что в оригинале имеет форму: *стареть*. Помимо этого, оно (это выражение) объединяет в себе черты как глагола, так и существительного, что в АЯ выступает как особая форма глагола, образованного от существительного *age* с суффиксом *-ing* — герундий.

Отметим также то, что в данном примере, равно как и в прошлом, вынужденными оказались попытки **перемещения**: *a person who wastes time in vain*⁷ *doesn't notice himself*. Вдобавок ко всему, выделяются и такие пары синонимичных определений/слов в переводе с ИЯ на ПЯ: 1) *на свете* — *in the world* (досл.: ‘в мире’); 2) *человек* — *a person* (досл.: ‘персона’). Тем не менее, если в первом случае (в главной части предложения) мы видели непосредственную **синонимичность** и/или **переводческую дифференциацию** таких слов, как *человек* и *person*, то во втором случае (в придаточной части предложения): *himself* ‘сама персона/человек’ — мы сталкиваемся с такой переводческой операцией, как **парафраза**, которая, если следовать концепции Н.К. Гарбовского, «может быть определена как **уточняющая гипонимическая парафраза** (Гарбовский, 2007: 434).

В результате перевода (с РЯ на АЯ) и анализа, были выявлены следующие ПТ и ПП: генерализация (2 операции), перемещение (2 операции), синонимические замены (2 операции), уточняющая гипонимическая парафраза (1 операция).

Перевод на ИЯ: *Хъажал, иштта оттадаъ да-кх укх дунен чу: ший ха зехъа*⁸ *йоаеи волча саго зувц, ше мишта къалу.*

В ингушском языке, очень часто, для передачи эмоционально-экспрессивной окраски в речи, а также для выражения побуждения и фокусировки внимания, используются: вводные слова, междометия и усилительные частицы. При этом, как и многие вводные слова в русском языке, в ингушском они также могут быть глаголами, краткими наречиями, именами собственными и т.д.: *хъажал* ‘смотрите / обратите внимание (Тариева, 2009: 151, 762)’. Вышеприве-

⁷ **Vain** [veɪn] а 1) тщетный, напрасный; in v. напрасно, тщетно, всуе; 2) пустой, суетный; 3) мишурный, показной; 4) тщеславный, полный сомнений; to be v. of гордиться чем-л., тщеславиться (Мюллер, 2012: 762).

⁸ **Зехъа** нареч. зря; ха ~ йоае мегар- гъяц. Нельзя зря терять время (Тариева, 2009: 331).

дѣнная семантическая единица — *хъажал* **конкретизирует** русское ‘*вот ведь как*’ и подобрана по общему признаку/свойству — оценочно-утвердительному заключению данного вводного оборота. Вдобавок к предыдущему, ингушское выражение: ...*иштта отта-даь да-кх укх дунен чу...* (досл.: ‘так установлено/устроено всё-таки на этом свете’), выражает непосредственность, т.е. независящие от человека события и обстоятельства, которые происходят в мире. Усилительная частица *-кх*⁹, лишь подтверждает беспомощность и неприкасаемость человека, к протекаемой жизни, что характеризует собой смысловое развитие, т.е. **модуляцию**. Помимо этого, в предложении идёт замена одного переходного глагола на **синонимичный** ему, другой переходный глагол: ...забрали¹⁰... — ...*ийтай* ‘оставили’¹¹... Наряду со всем вышесказанным, следует отметить, что представленный пример, ко всему прочему, характеризуется также и рядом операций — **перемещений**, из-за своеобразного порядка слов в ингушском предложении: 1) ...человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет — ...*иий ха зехъа йоаеш волча саго зувц, ше мишта къалу* ‘свое время понапрасну/напрасно теряющий человек не замечает, сам (он) как стареет’; 2) А время, потерянное ребятами понапрасну, забрали волшебники себе. — *ХIаьта бераша зехъа йоаяь ха, амаштеша шоашта йитай* ‘Однако, ребятами понапрасну/напрасно потерянное время, волшебники себе оставили’.

В результате перевода (с РЯ на ИЯ) и анализа, были выявлены следующие ПТ и ПП: конкретизация (1 операция), модуляция (1 операция), синонимическая замена (1 операция), перемещение (2 операции).

ПРИМЕР № 3: «Подсчитали волшебники время, хотели уже спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный из них, не позволил. Взял он счёты и подошёл к ходикам» (Шварц, 1940: 5).

Перевод на АЯ: *The wizards counted the time and already wanted to hide the accounts in the table, but Sergey Vladimirovich, the main one among them, did not allow it. He took the accounts and went to the watchwall-walkers.*

⁹ **КХ²/КХА** усилит, частица; гIоргда ~ вай. Ну да, мы пойдем (Тариева, 2009: 394).

¹⁰ **Забрать (забирать)** — **глагол**, совершенный вид, переходный, невозвратный, I спряжение (<https://udarenieru.ru/index.php?doc=забрать>).

¹¹ **Оставить** — **глагол**, совершенный вид, переходный, невозвратный, II спряжение (<https://udarenieru.ru/index.php?doc=оставить>).

Перевод на ИЯ: *Амастеш*¹², *ха дагар а яь, чотаиш дІалочкѣае айттар истола чу, хІаьта, Владимира Сергейс, царех керттера волчо, лочкѣайтанзар. Чотаиш хѣа а ийца, дІатІавахар из лелаиш долча сахъатилга.*

Счёты (анг. ‘accounts’; инг. ‘чотаиш’) и ходики (анг. ‘walkers’; инг. ‘сахъатилг’) — являются главными предметами и/или субъектами, представляющими *время* (как с физической, объективной, так и с философской точек зрения) во всём произведении, что означало наш выбор данного предложения. При этом изменение формы слова и придание уменьшительно-ласкательного значения при помощи *-s* — в АЯ и суффикса *-илг* — в ИЯ, характеризуется **модуляцией**. Однако, в контексте: «ходики», для более полной и точной передачи оригинальной мысли и языка автора произведения, на ПЯ и ПИЯ, были преобразованы в те же самые ходики, но не в обычные *clock* ‘настенные часы (Мюллер, 2012: 126)’ и *сахъат* ‘часы (Тариева, 2009: 578)’, а в *watchwall-walkers* (досл.: ‘часы настенные-ходики’) и *лелаиш долча сахъатилга* (досл.: ‘идушим которые часикам’). На наш взгляд, вышеописанная операция является **метафорической дифференциацией посредством расширения значения/понятия (генерализация)**. Тем самым, вследствие этой операции, оба ПЯ (английский, ингушский) оказываются между собой в **отношениях перекрещивания**: *watchwall-walkers* — *лелаиш долча сахъатилга*.

В контексте выявлены и такие единичные понятия, как имя собственное одного из главных героев: *Сергей Владимирович*. При этом, на языках перевода (АЯ и ИЯ), переход и преобразование имени собственного осуществляется разными переводческими приёмами: в АЯ — **транслитерацией**: *Sergey Vladimirovich*; а в ИЯ — **калькирование, совместно с операцией перемещения**: *Владимира Сергейс*. Операция **перемещения** имени и отчества (в варианте перевода на ингушский язык) обусловлена тем, что в языке и в культуре народа, согласно национально-культурному признаку и из соображения уважения старшего поколения, принято изначально упоминать отчество, т.е. имя отца и только после — имя самого человека. В свою очередь, отчество и имя — склоняются, согласно родительному падежу: ‘*доала дожар (хъан? сен?)*’ в ИЯ, постольку-поскольку последующее развитие действия требует постановки и склонения имён собственных в этом падеже. Вместе с тем следует упомянуть

¹² **Амасти** 2 *суц.* я (6), — еш, -е, еца волшебница, фея; хоза ~ ювца *фаьлг*. Сказка о прекрасной фее (Тариева, 2009: 64).

и о такой переводческой операции, как **конкретизация**. Например, в таком варианте перевода с РЯ на ИЯ, как: *не позволил (спрятать)* — лочкъяайтанзар (досл.: ‘не дал спрятать’), где корень слова — лочкъя ‘спрятать’, суффикс — яй — определение классного показателя (ж.р.), второй суффикс танзар — ‘не дал’.

Пример также включает в себе ряд **операций-перемещений**, в обоих ПЯ:

ПАЯ: The wizards counted the time and already wanted to hide the accounts in the table, but Sergey Vladimirovich, the main one among them, did not allow it (досл.: ‘Волшебники посчитали время и уже хотели спрятать счёты в стол, но Сергей Владимирович, главный один среди них, делать не позволил это’).

ПИЯ: Амастеш, ха дагар а яь, чоташ д’алочкъяе айттар истола чу, х’аьта, Владимира Сергейс, царех керттера волчо, лочкъяайтанзар (досл.: ‘Волшебники, время подсчитав, счёты спрятать собрались в стол (внутри), но Владимирович Сергей, из них главный тоторый, не дал спрятать’).

В результате анализа выявленные ПТ и ПП в двух ПЯ показали следующее: 1) в ПАЯ: Модуляция (1 операция), Метафорическая дифференциация, посредством генерализации (1 операция), перенос единичного понятия путём транслитерации (1 операция), перемещение (1 операция); **2) в ПИЯ:** Модуляция (1,5 операции), Метафорическая дифференциация, посредством генерализации (1 операция), перенос единичного понятия путём калькирования (0,5 операции), конкретизация (1 операция), перемещение (1 операция).

ПРИМЕР № 4: «— Ах, время, время! — говорит Петя. — Бежит оно, бежит» (Шварц, 1940: 7).

Перевод на АЯ: *Oh¹³, time, time! says Petya. It runs... runs.*

Перевод на ИЯ: — Уффай, ер ха, ха! — йоах Петяс. — Йода из, йода.

Выбор вышепредставленного примера из произведения обусловлен тем, что *время* здесь выступает исключительно в виде метафорической модели. Оно (время) здесь имеет больше ассоциативное и «одушевлённое» восприятие, нежели включает в себе, и/или выражает физический/объективный признак. По словам Е.А. Нильсена: «Очевидно, что метафорическая модель ВРЕМЯ —

¹³ Замена типа предложения в английском языке (опущение пунктуационных знаков): прямая речь при переводе на АЯ никак не обособляется, т.е. такие знаки, как тире, кавычки и пр. отсутствуют и при переводе опускаются.

ВМЕСТИЛИЩЕ и зачастую она реализуется *одновременно* с моделями ВРЕМЯ — ОТРЕЗОК, ВРЕМЯ — ТОЧКА или ВРЕМЯ — ОДУШЕВЛЁННЫЙ ОБЪЕКТ (ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ), что помогало авторам по всему миру в XVII веке создавать более яркие образы, через перенос понятий/значений, ассоциации и абстракции» (Нильсен, 2012: 16). Ко всему прочему, «сожаление о том, что время — НЕВЕЧНО и оно имеет необратимое свойство *бежать/идти*, выражают, в большей степени, междометия в обоих языках. А как говорится, «идеальным примером, иллюстрирующим **эквиваленцию**, является тот, который показывает», что англичанин, при сожалении, вздохнёт и скажет *Oh*, а ингуш — *Уффай* (Гарбовский, 2007: 382). Интересен также тот факт, что в ингушском языке, выражение «время летит» — отсутствует, вместо этого — *время бежит/идёт* ('ха йода'), в отличие от русского и английского ('time flies'). Несмотря на это, в ингушском языке принято обозначать и выделять отрезок времени, равный одной доле секунды: *зирхата ха*. В переводе на ИЯ, помимо *операции-эквиваленции*, наличествует также и операция-уточнение, или др. сл. **операция-добавление**, в виде указательного местоимения: *ер* 'это/эта', усиливающее акцент внимания на главном предмете — *времени*.

В общей сложности в исследованном примере насчитываются следующие ПТ и ПП: 1) в ПАЯ: Эквиваленция (1 операция); 2) в ПИЯ: Эквиваленция (1 операция), добавление (1 операция).

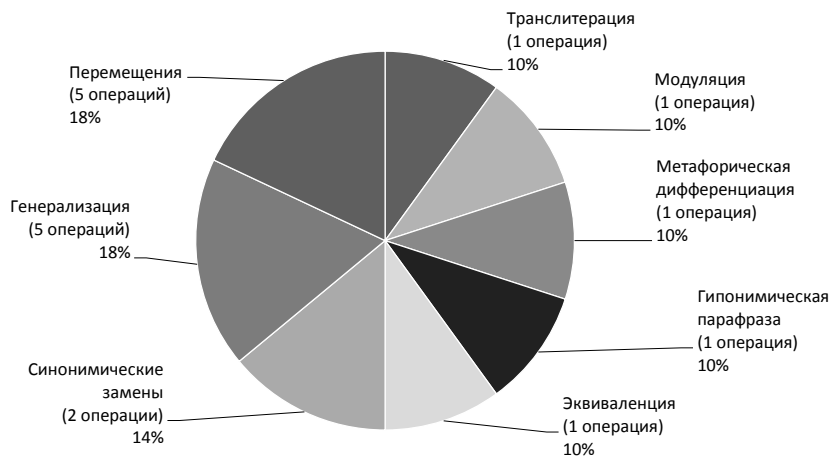

Схема 1. «Презентация результатов переводческих трансформаций (ПТ) и переводческих приёмов (ПП), выявленных при анализе текста в переводе на английский язык»

Заключения (Conclusions)

На основании отобранных и проанализированных 4 примеров (предложений из текста) был сделан подсчёт всех переводческих трансформаций и приёмов, использованных в процессе перевода: с русского на английский и с русского на ингушский.

Наглядное представление полученных цифр и итогов, в результате статистического исследования, было воспроизведено в двух диаграммах (см. схемы 1, 2).

Таким образом, проведённое исследование показало, что:

1. Восприятие и понимание концепта «*время*» у носителей номинативных (русского, английского) и эргативного (ингушского) неодинаковое и неординарное, в связи с национально-культурным признаком. В ингушском речемышлении фигурирующим аспектом концепта «*время*» выступает *физический*, т.е. восприятие времени идёт больше с объективной точки зрения, равно как и у англичан, у которых «*время*» подразделяется на две категории: *монокронную* и *полихронную*. В русском речемышлении «*время*» носит субъективный характер, т.е. отношение ко времени у русскоязычных непосредственное.

Тем не менее, как и в двух вышеупомянутых языках, «*время*» здесь выступает в роли *грамматической метафоры*, согласно чему она стала главным предметом для исследования в художественном произведении. В частности, прослеживается аналогия, с выявлени-

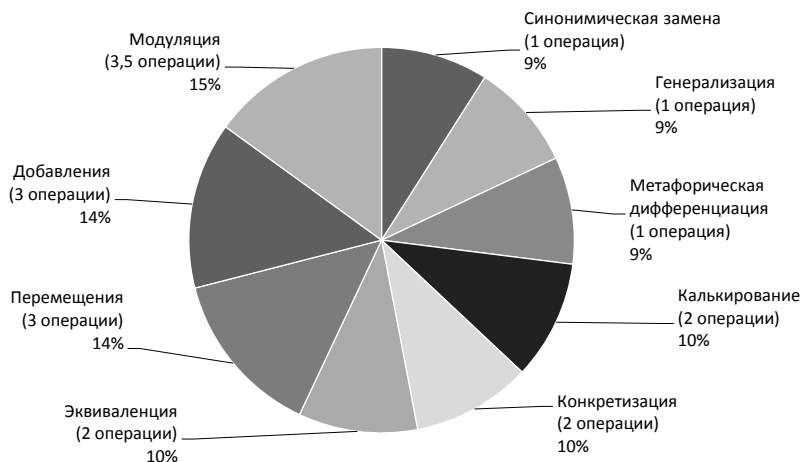

Схема 2. «Презентация результатов переводческих трансформаций (ПТ) и переводческих приёмов (ПП), выявленных при анализе текста в переводе на ингушский язык»

ем и обозначением времени в ингушском и английском языках, где: а) физическое время: 'ха' — в ингушском языке и 'time' — в английском языке; б) грамматическое время: 'метта ха' — в ингушском языке и 'tense' — в английском языке.

2. У концепта «время» выделяются две структуры: *макро* и *микро*, где *микро* — ядро (главные системообразующие аспекты: *физический (объективный)* и *лингвистический (языковой)*), а *макро* — периферия (дополнительные релевантные признаки/аспекты: *социологический, культурологический, метафорический, философский, естественно-научный (фактический)* и др.).

3. В результате проведённого статистического исследования мы пришли к выводу, что:

- перевод с русского на английский отличается своей денотативностью, так как заметно преобладают такие ПТ и ПП, как: операции-перемещения, генерализация и синонимические замены. Семантический уровень, где в большей степени фигурирует предметное значение концепта *время*;
- перевод с русского на ингушский, в связи с преобладанием таких ПТ, как: модуляция и эквиваленция, отличается своим семантическим (сигнификативным) уровнем, где понятие на ИЯ соотносится с обозначаемым понятием на ПЯ.

В конечном итоге, мы можем заключить, что близость в восприятии, понимании и выражении времени у носителей трёх разноструктурных языков и культур, конечно же, есть, но она (эта близость) частичная, т.е. относительная и не абсолютная. Результаты исследования могут быть применены на спецкурсах, лекциях по компаративистике, когнитивистике, теоретическому, прикладному, сравнительно-сопоставительному языкознанию.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание, 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28976781>

Бронникова О.В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов. Дис. ...канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 344 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/modusnyi-metakontsept-vremyatime-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-na-materiale-dannykh-natsio>

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Лингвистика и межкультур. коммуникация». М: «Изд-во Моск. ун-та», 2007. 544 с.

Гумбольдт В.Ф. Язык и философия культуры: пер. с нем. яз. А.В. Гулыш, Г.В. Рамишвили. М.: «Прогресс», 1985. 451 с.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». Волгоград: «Перемена», 2001. 494 с.

Кубрякова Е.С. (и др.) Краткий словарь когнитивных терминов // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

Мюллер В.К. Современный англо-русский словарь в новой редакции. М.: «Аделант», 2012. 800 с.

Нильсен Е.А. Модели языковой экспликации концепта: *время* в английских художественных произведениях XVII века // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика, 2012. Вып. 14. № 2. С. 14–19. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-yazykovoy-eksplikatsii-kontsepta-vremya-v-angliyskih-hudozhestvennyh-proizvedeniyah-xvii-veka>

Подкопаева О.И. Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании // «Мир науки». Социология, филология, культурология, 2021. Т. 12, № 3. С. 30–37. Режим доступа: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf>

Стернин И.А., Попова З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание. М.: «АСТ», 2007. 315 с.

Тариева Л.У. ГалгIай-эрсий дошлорг: 24 000 дош. Нальчик: «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. 983 оагI.

Тариева, Л.У. Наречие в ингушском языке: морфология. Германия: «LAPLAMBERT Academic Publishing», 2012. 233 с.

Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. Назрань: «Кеп», 2017. 376 с.

Шварц Е.Л. Сказка о потерянном времени. М.: «ФТМ», 1940. 8 с.

Hall E. T. (1983) The dance of life: The other dimension of time. Edward T. Hall. Garden City (N.Y.): Anchor press: “Doubleday”, VIII. 232 p.

Nichols J. (2011) Ingush Grammar. Berkeley, Los Angeles, London. “University of California Press”. 829 p.

Sapir E. (1958) Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality, Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley and Los Angeles. “University of California Press”. 617 p.

Wierzbicka A. (1992) Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: “Oxford University Press”, VIII. 487 p.

References

Arutyunova N.D. (1978) Funktsional'nye tipy yazykovoi metafory = Functional types of linguistic metaphor. Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Ser. Literature and linguistics. Vol. 37. No. 4, pp. 333–343. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28976781> (In Russian).

Bronnikova O.V. (2017) *Modusnyi metakontsept VREMYA/TIME v russkom i angliiskom yazykakh: na materiale dannykh natsional'nykh korpusov* = *Modus metaconcept TIME in Russian and English: based on data from national corpora*. Cand. philol. sci. diss. Tyumen. 344 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/modusnyi-metakontsept-vremyatime-v-russkom-i-angliiskom-yazykakh-na-materiale-dannykh-natsio> (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2007) *Teoriya perevoda: ucheb. dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Lingvistika i mezhkul'tur. kommunikatsiya"* = *Translation theory: textbook for university students studying in the specialty "Linguistics and Intercultural Communication"*. Moscow: Izd-vo Mosk. university. 544 p. (In Russian).

Hall E.T. (1983) *The dance of life: The other dimension of time*. Edward T. Hall. Garden City (N.Y.): Anchor press: "Doubleday", VIII. 232 p.

Humboldt V.F. (1985) *Yazyk i filosofiya kul'tury: perevod s nemetskogo yazyka* = *Language and philosophy of culture: translated from German by A.V. Gulysh, G.V. Ramishvili*. Moscow: "Progress". 451 p. (In Russian).

Krasavsky N.A. (2001) *Ehmotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* = *Emotional concepts in German and Russian linguocultures*. Ministry of Education of the Russian Federation, Volgograd State Pedagogical University, Research Lab. "Axiol. Linguistics". Volgograd: "Change". 494 p. (In Russian).

Kubryakova E.S. et al. (1996) *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* = *A brief dictionary of cognitive terms*// E.S. Kubryakova, V.Z. Demyankov, Yu.G. Pankrats, L.G. Luzina; Under general ed. E.S. Kubryakova. Moscow: Philol. Fak. of MSU. 245 p. (In Russian).

Muller V.K. (2012) *Sovremennyyi anglo-russkii slovar' v novoi redaktsii* = *Modern English-Russian dictionary in a new edition*. Moscow: "Adelant". 800 p. (In Russian).

Nichols J. (2011) *Ingush Grammar*. Berkeley, Los Angeles, London. "University of California Press". 829 p

Nilsen E.A. (2012) *Modeli yazykovoi ehksplikatsii kontsepta: vremya v angliiskikh khudozhestvennykh proizvedeniyakh XVII veka* = *Explication of time concept on English fiction of the XVII century*. *Bulletin of SUSU. Ser.: Linguistics*, ussue 14. No. 2. pp. 14–19. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-yazykovoy-eksplikatsii-kontsepta-vremya-v-angliyskikh-hudozhestvennykh-proizvedeniyah-xvii-veka> (In Russian).

Podkopaeva O.I. (2021) *Lingvokognitivnyi podkhod k izucheniyu kontseptov v otechestvennom yazykoznanii* = *Linguocognitive approach to the study of concepts in Russia*. "World of Science". Series: *Sociology, Philology, Cultural Studies*. Vol. 12, No. 3, pp. 30–37. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf> (In Russian).

Sapir E. (1958) *Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality*, Ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley and Los Angeles. "University of California Press". 617 p.

Schwartz E.L. (1940) *Skazka o poteryannom vremeni* = *The tale of wasted time*. Moscow: "FTM". 8 p. (In Russian).

Sternin I.A., Popova Z.D. (2007) Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe izdanie = Cognitive linguistics: a textbook. Moscow: "AST". 315 p. (In Russian).

Tarieva L.U. (2009) GAlglai-ehrsii doshlorg: 24 000 dosh = Ингушско-русский словарь: 24 000 слов. Nalchik: "Republican printing plant named after the Revolution of 1905". 983 p.

Tarieva L.U. (2017) Rechevye komponenty paradigmy litsa v yazykakh ehrgativnogo stroya = Speech components of the face paradigm in ergative languages. Nazran: "Kep". 376 p. (In Russian).

Tarieva L.U. (2012) Narechie v ingushskom yazyke: morfologiya = Adverb in the Ingush language: morphology. Germany: "LAPLAMBERT Academic Publishing". 233 p. (In Russian).

Wierzbicka A. (1992) Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford: "Oxford University Press", VIII. 487 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Плиева Залина Бекхановна — аспирант «Высшей школы перевода» (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, Москва. 119234, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; SPIN-код автора: 1479-9199; ORCID ID: 0009-0002-2346-7917; zalina.bekkkhanovna@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Zalina B. Pliyeva — Postgraduate Student at The Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University Moscow, Russia. Lomonosov Moscow State University; 1. Leninskie Gory, Moscow, 119234, Russia Researcher ID: KEZ-9258-2024; zalina.bekkkhanovna@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author states that there is no conflict of interests.